обще, утверждению ее значения в современную эпоху, в частности. Точно так же, несмотря на веру их в неизменность человеческой природы и преимущественное внимание к вопросам политического (а не социального) устройства, в сочинениях философов, экономистов, историков XVIII в. содержится немало зачатков учения о классах и классовой борьбе.

Исследование вопроса о причинах расцвета и падения как древних цивилизаций, так и общественно-государственных организмов нового времени привело ряд передовых умов XVIII в. к сомнению в идее прямолинейного, равномерного исторического прогресса, характерного для основной линии в развитии просветительского историзма. Отсюда острый и едкий, исполненный полемической горечи исторический скептицизм Вольтера. На следующем этапе развития — у Дидро и Руссо — то же сомнение рождает зачатки исторической диалектики. Уже в первом своем сочинении — о науках и искусствах (1750) — Руссо стремится опровергнуть представление о том, что науки и искусства совершенствовались вместе с каждым шагом победоносного развития цивилизации. Он утверждает, что развитие цивилизации имело всегда, начиная с истории Древнего мира, свою теневую, оборотную сторону. В трактате «О происхождении неравенства среди людей» (1755) Руссо доказывает, что рождение собственности, социального и политического неравенства было не только шагом вперед в истории человечества, но одновременно и шагом назад, если судить о его последствиях с точки зрения не одних лишь непосредственных, но и более широких и общих, прежде всего нравственных, результатов. Дидро в «Опровержении книги Гельвеция „Человек“» (1773—1774) выдвигает в качестве идеала развития и общества, и отдельного человека утопическое «среднее состояние», одинаково удаленное как от грубой первоначальной дикости, так и от всякой чрезмерности, болезненной утонченности и перезрелости.

«Если бы Руссо вместо проповедей о возвращении в леса занялся составлением плана общества полуцивилизованного и полудикого, то, я думаю, было бы гораздо труднее возражать ему... Гельвеций находит счастье общественного человека в среднем состоянии. Я думаю аналогичным образом, что существует какая-то ступень цивилизации, более соответствующая счастью человека вообще и не настолько далекая от дикого состояния, как это обыкновенно воображают; но как вернуться к ней, когда удалились от нее, а когда находишься на ней, то как остаться там? Я этого не знаю... Древние законодатели знали только дикое состояние. Современный законодатель, более просвещенный, чем они, основывая колонию где-либо в неизвестном уголке земли, может быть, нашел бы какой-нибудь промежуточный между диким состоянием и нашей современной цивилизацией строй, который задержал бы быстрый прогресс потомка Прометея, защитил бы его от коршуна и дал бы цивилизован-